

4/2 Рсс-4Кем

П 18

Александр ПАРХАЕВ

Запах полыни

441.32

БИБЛИОТЕКА

"Беловская муза"

1951
БЕЛОРУССКАЯ РАЙОННАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА
РАЙОНА БЕЛОВОГО РАЙОНА
БЕЛОРУССКОЙ ССР

Александр Федорович Пархаев родился в деревне Конево Новосибирской области в 1930 году. Около сорока лет проработал на железнодорожном транспорте. Стихи начал писать в армии. Публиковался в газетах "Алтайская правда", "Беловский вестник", в коллективном сборнике "Хлеб военной поры".

В 1995 году вышла в свет первая книга стихов и рисунков "Последние журавли". "Запах полыни" - вторая книга поэта. В ней собраны стихи разных лет. Лирическая доминанта книги - поэтические раздумья о родине, о тяжелых, порой трагических судьбах наших соотечественников, о призвании человека на земле, о сибирской природе.

Александр Пархаев

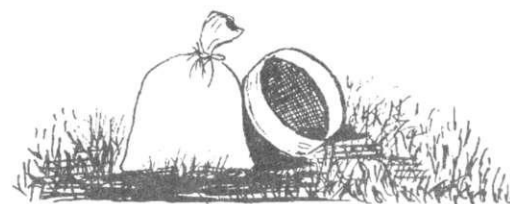

Запах полыни

г.Белово - 1997 г.

К читателям

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу:
652641, пос. Красный Брод, ул. Новая, 49-73.

Запах полыни

- © Издатель литературно-художественной серии
"Библиотека "Беловская муза" В.П.Щелканов - 1997 г
- © Стихи и рисунки А.Ф.Пархаева - 1997 г.

Горький хлеб

Едва за голыми мысками,
Оттаяв, теплилась земля,
А мы уже за колосками
Шли на колхозные поля.
Синело небо. Пахло прелью
Сырая бурая стерня.
Трудилась молча, без веселья
Худая с виду ребятня.
В глазах порой сгущались тени,
И меркло солнце в черной мгле.
Ребенок, стоя на коленях,
Руками шарил по земле.
А тело отдыха просило,
И часто бился пульс в висках.
Мы знали, что хранилась сила
В разбухших этих колосках.
Болталась с хлебушком котомка
На шее, словно амулет.
В ней были жизнь и смех ребенка,
Мальца одиннадцати лет.
Шли, еле двигаясь под вечер
Отцов воюющих сыны...
Давил на худенькие плечи
Тяжелый горький хлеб войны.

* * *

Вокруг - бурьян: осот, крапива,
Полынь, репей да лебеда.
Скрипит колодец сиротливо.
Позеленела в нем вода.

Изба маячит одиноко
На жалком клинышке земли.
Прибил крест-накрест ей на окна
Мужик-хозяин горбыли.

"Ну, вот и все",- сказал он Тане,
Своей заплаканной жене.
Подворье бросили крестьяне,
Как под обстрелом на войне.

Поклон отвесив старой хатке,
Сглотнув комок соленых слез,
Свезли они свои монатки
В централизованный совхоз.

Деревни нет. Хиреет нива,
Теперь хоть по миру с сумой...
Скрипит колодец сиротливо -
Как будто всех зовет домой.

Из детства

Моей сестре Лизе.

От стужи промерзла избенка.
Навоз, источающий дух.
За печкой - мычанье теленка.
Под лавкой горланит петух.
Мать встретила новое утро,
Успев ненадолго прилечь.
Чтоб было тепло и уютно,
Дровишек подбросила в печь.
Готовит для "дранок" картофель,
Скрутила бедняжку война.
Я вижу лицо ее в профиль -
Ох, как постарела она!
Устала от тягот безмерно.
Детишкам - все силы души.
Чесотка замучила, стерва.
В одежках залатанных - вши.
Мерцает коптилка под балкой...
Я вижу при тусклом огне:
Орудует мама мешалкой,
Булдыча болтушку в квашне.
Для нас, несмышленишей глупых,
Есть полный горшок молока.
Лежим мы под старым тулупом
В нагретом углу закутка...
Я сердцем тревожусь подспудно
За судьбы таких же ребят.
Пусть голодно здесь нам и трудно,
Но все-таки нас не бомбят...

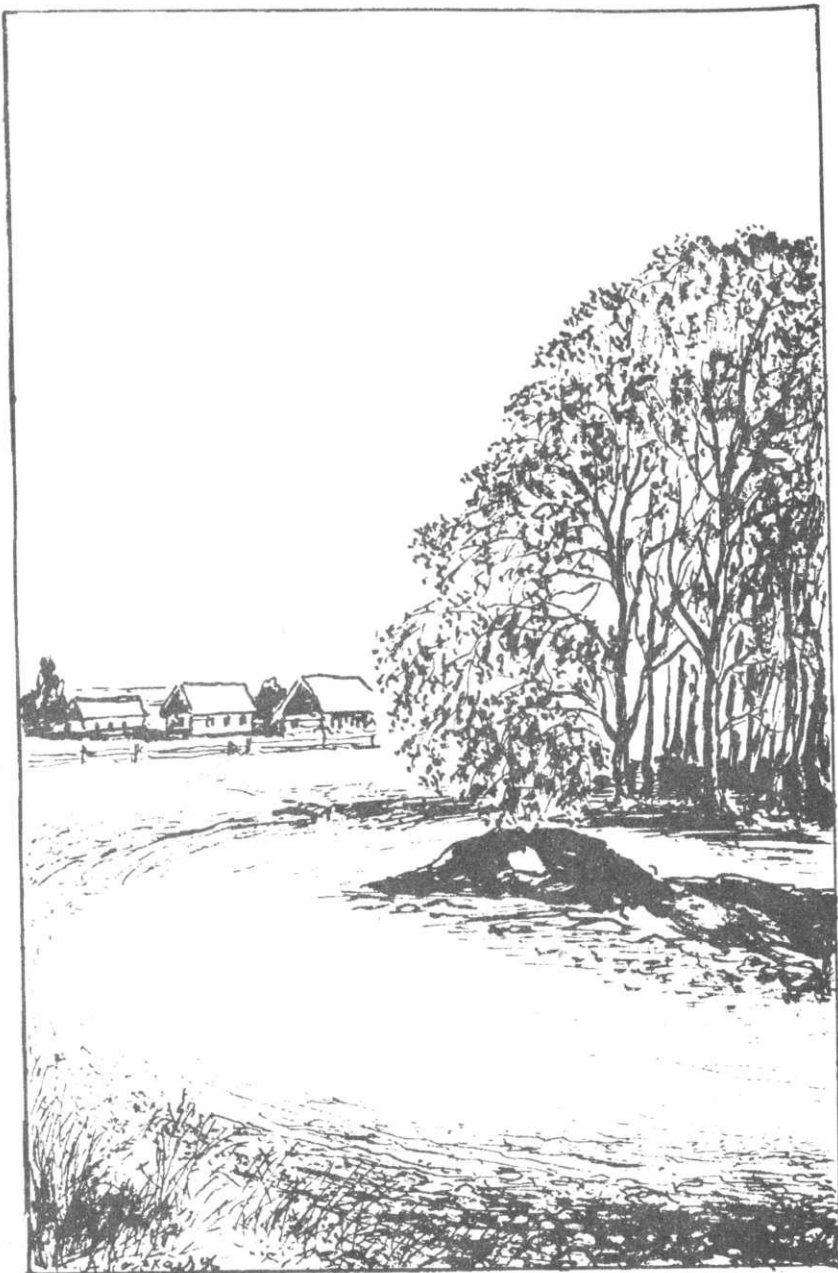
Я помню

Как жернов, раскрученный круто,
Катилась война по стране...
Я помню январское утро,
Что в сердце впечаталось мне.
За окнами небо зарделось,
Как крови и холода смесь...
Нам очень с сестренкой хотелось
Чего-нибудь вдоволь поесть.
На плечи фуфайку накинув,
Тихонько присев на кровать,
"А хлеб-то сегодня с мякиной,-
Сквозь слезы промолвила мать.-
Вот все, что сумела состряпать...
Еще посидим за столом"...
Какой-то загадочный запах
Струился от печки с теплом.
Лежал на столе, у окошка,
Горячий комок-монолит.
"Продержимся, значит, немножко,
А дальше, как Бог повелит..."

* * *

Горечь пахучей полыни
Ветер доносит с полей...
Пусто и голодно ныне
В бедной деревне моей.
Что с ней со временем будет?
Загнан, как мерин, колхоз.
Старые, хилые люди
Видят свой путь на погост.
Счастье им явно не светит,
Всех придавила нужда...
В город уехали дети -
Стала земля им чужда.
А деревенька им снится.
Могут о ней повздыхать,
Помнят, как рожь колосится,
Но не желают пахать.
Всех обуяла потреба,
С голода можно того...
Просят на площади хлеба,
Требуют, а у кого?

Проводы

Брату Василию, погибшему на войне.

В свою котомку кружку с ложкой,
Я помню, брат мой положил,
Потом присел перед дорожкой
В родной избе, где рос и жил.

А у ворот ждала повозка,
От мух брыкался конь гнедой,
Табачным дымом пахло остро:
Смолил сигарку дед седой.

Кой-кто пришел на проводины -
Десяток баб да детвора...
Брат встал, котомку запрокинув,
И быстро вышел со двора.

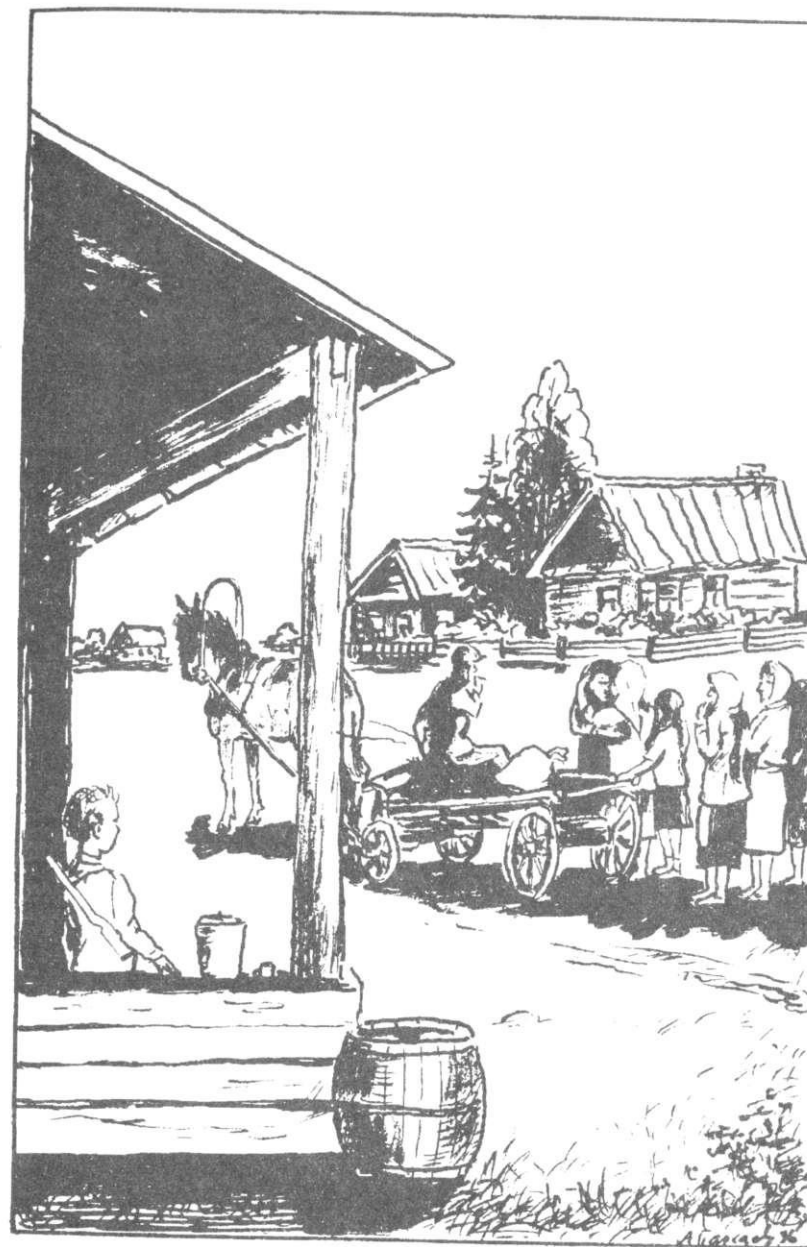
Прошли толпою за деревню,
Где дружно вызрели хлеба...
...Незабываемое время,
Неотвратимая судьба.

С межи тянуло сладким медом,
Жар августовский полыхал,
А я, как всадник, за народом
Верхом на прутике скакал.

Был непонятливым мальчишкой,
Желал сражаться на войне,
И деревянное ружьишко,
Болтаясь, било по спине...

Пришла в наш домик похоронка:
Наш брат на фронте был убит.
Мать убивалась, плача громко,
Сестренки плакали навзрыд.

И я всплакнул, поняв в чем дело,
Уйдя с ножовкой в огород,
Чтоб бить "врага", под вечер сделал
Из старой прялки пулемет.

Вдовушка

...Счастье в жизни только грезилось,
Таёт-вянет красота.
Словно борозды, прорезались
Складки резкие у рта.

Косо смотрят бабы здешние,
Тянут сплетнями ко дну:
"С мужем, мол, была безгрешная,
А теперь вот - ну и ну!"

Бесшабашная головушка,
Беззаботная душа...
"Ишь, как крутит-вертит вдовушка",-
Режут бабы без ножа.

А она - им шутку выкинет,
И с улыбочкой пройдет...
Ночью вся подушка вымокнет -
Столько слез в нее прольет!

В одиночестве да в горяшке
Тяжело живет вдова.
Как полынь на хлебном полюшке -
С вечной горечью трава.

Возвращение

Вижу свой домик бревенчатый
В милой родной стороне.
Теплым приемом не встреченный,
Горько и тягостно мне.

Рядом береза колышется,
Шрамы на старой коре.
Детства далекого слышится,
Смех на отцовском дворе.

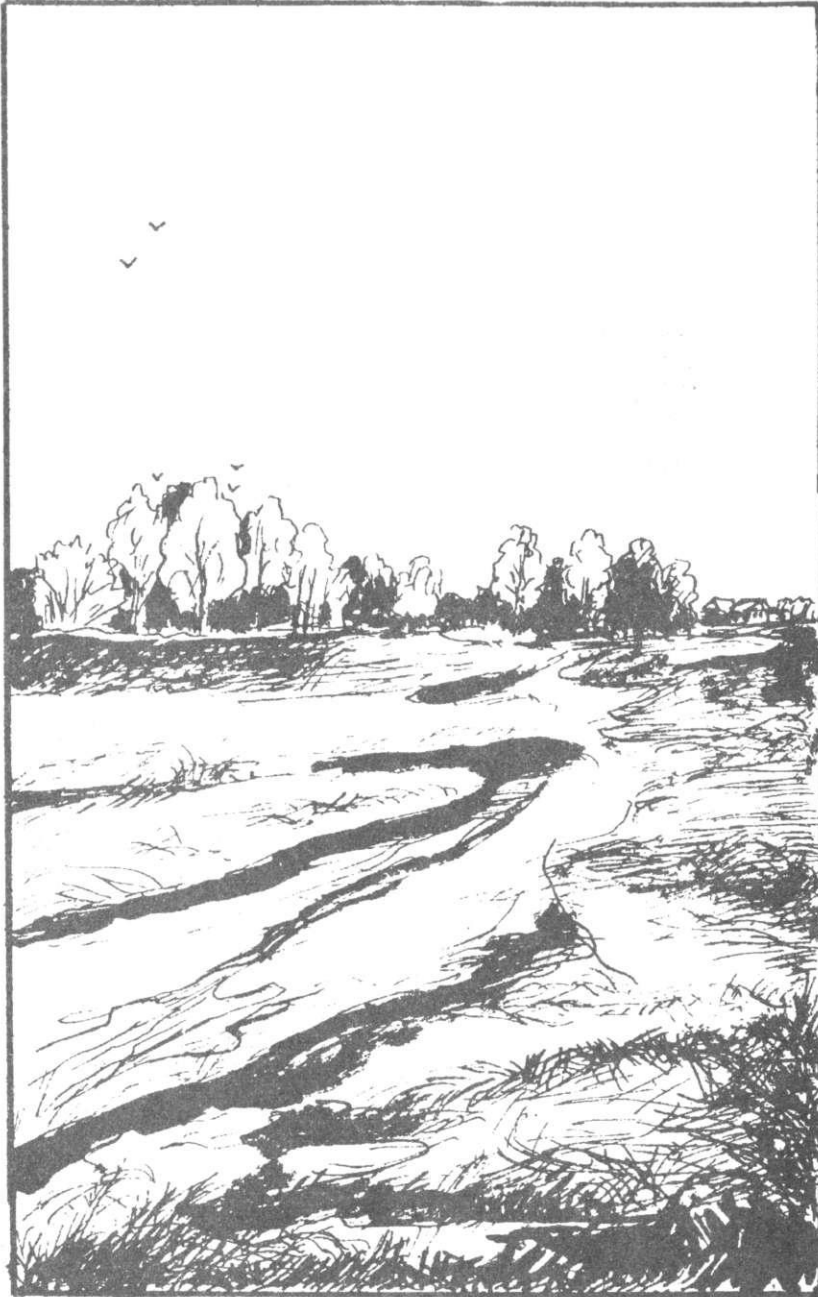
Только не явно, а в памяти
Голоса детского звон.
Годы исчезли, как в замети,
И растворились, как сон.

Слезы струятся морщинками,
Волосы - будто ковыль.
Долго топтал я ботинками
Странствий белесую пыль.

Сорвана с петелек ставенка,
В землю просело крыльцо.
Встретить не выйдет уж маменька,
И не промолвит словцо.

Нет оживленья и радости.
Стены родные молчат,
А за деревней, на кладбище,
Черные галки кричат...

-23144-

Доля

На краю в деревне нашей
Домик с ветхой городьбой.
А живет в нем баба Маша
С незавидною судьбой.

Палисадник, огородик
Да сарайчик - под дрова.
За водой к колодцу ходит
Эта бабушка едва.

Принесет воды холодной,
Отдохнув, затопит печь,
Выпив капель, зябко вздрогнет,
Вновь старается прилечь.

Пусто-тихо, как обычно,
С бабкой время коротать.
Кошка тихо промурлычет
И запрыгнет на кровать.

Вскоре сладко засыпает,
Примостившись на краю,
А старушка вспоминает
Жизнь и молодость свою.

Ночью (так бывает часто)
Глаз уставших не сомкнет.
Одинокой быть несчастье.
Повздыхает и всплакнет.

Знать недолго уж осталось
Стежки-тропочки топтать,
Душит хворь, сгибает старость,
Немощь валит на кровать.

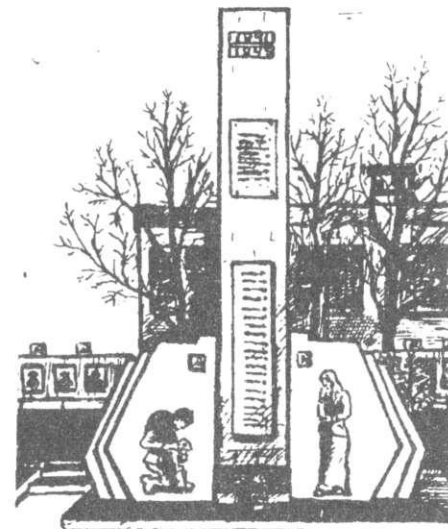
А ведь раньше, как бывало -
Лихолетье да нужда.
Но не гнулась, не сдавалась,
Лучшей долюшки ждала.

Жизнь ее была несладкой,
И обижена судьбой,-
В двадцать лет звалась солдаткой,
Через год уже - вдовой.

Просвистела пуля тонко,
Кровь зардела на песке...
Пожелтела похоронка
У бабули в сундуке.

Помнит: битва гроыхала,
Мерк от горя белый свет,
А вдова поля пахала,
Для страны растила хлеб.

А умрет - никто не вспомнит -
Нет почтения к живой...
Зарастет полынью холмик
Вдовьей горькою травой...

Святые слова

Мать

Седая, в платице неброском,
Под вечер выйдя за порог,
Мать приходила к перекрестку
Давно знакомых ей дорог.
Смотрела грустными глазами
За оком родных полей.
О, как хотелось встретить маме
Своих любимых сыновей!
Обида сердце бередила,
Взор застилая пеленой.
Мать с горькой думой уходила
Тропинкой торною домой.
Сгорали алые закаты,
И не сбывались чудо-сны.
Березы выросли у хаты,
Что посадили до войны...
Шумит в листве их легкий ветер,
В полях кричат перепела...
Мать, сыновей своих не встретив,
С тоски и горя умерла.
Полынный запах у погоста,
Печаль глубокая окрест.
И видит путник с перекрестка
На бугорке высокий крест...

В тот день

В тот день был сход у сельсовета.
Над крышей взвился алый флаг.
Победа! Граждане, победа!
Разбит страны советской враг!
Все были этой вести рады.
Звучали гордые слова...
А перед дочкой у ограды
Рыдала бедная вдова.
Склонясь к любимому ребенку,
Кудряшки гладила она.
На днях вручила "похоронку"
Им беспощадная война.
Молодки пели и смеялись,
В кругу отплясывал старик,
- Ну, вот и все - отвоевались!-
Махнул культею фронтовик.
Играли солнечные блики
В ряду медалей боевых...
Герой за день Победы выпил,
Почтив всех мертвых и живых.
И я, мальчонка-непоседа,
Спасенье видел в этом дне...
Победа, граждане, победа! -
Катился возглас по стране.

В грозу

Гремят громовые раскаты,
Ночную разбив тишину.
Проснулся старик, что когда-то
С боями прошел всю войну.
Давно отодвинули годы
Ее полыханье назад,
Но раны болят в непогоду,
Особенно ночью болят.
В кроватке у дедушки внучек
Спокойненько с вечера спит...
Все ниже спускаются тучи,
По шиферу дождик стучит.
И молний тугие разряды
Зигзагами жгут небосклон -
Как будто гремит канонада,
И насмерть стоит гарнизон...
Нет сна и в душе беспокойно,
Как в те роковые года.
Проклятые страшные войны,
Не знать бы нам их никогда.
Дед встал и, погладив мальчишку,
Окно занавеской прикрыл.
И, как на войне в передышку,
Вздыхнув глубоко, закурил.

На пепелище

На деревенском пепелище,
Успев сходить в военкомат,
Солдат сжимает топориче,
Как вороненый автомат.
В землянке маленькие дети.
Чадит железная труба.
Эх, горе-горечь лихолетья,
Эх, злая долюшка-судьба!
Вблизи усердно землю роет,
Помолодевшая жена...
"Мы наш, мы новый мир построим",-
Супруг мурлычит у бревна.
"Ликуй, что живы мы остались!
Нам, Аня, очень повезло.
Не зря вон строит птица-аист
На крыше новое гнездо..."

Судьба героя

Люди тяжкой военной судьбы,
Мир вернувшие всем нам когда-то,
Постарели и стали слабы,
И все чаще в строю их утрата.
Вон идет пожилой гражданин,
Нет конца в голове его думам.
Это он брал фашистский Берлин
В сорок пятом стремительным штурмом.
Снова гибнет родная страна,
Сотрясаясь от бед и разгула...
Жизнь его, как взрывная волна,
На задворки свои отшвырнула.
Догорит, как в костре уголек,
И уйдет в скором времени к Богу...
По асфальту стучит костылек, -
Уступите страдальцу дорогу.

Солдатка

В деревне нашей в час заката
Встречалась парочка одна.
Клялись жить дружно и богато,
Но разлучила их война.
Рыдала девушка у дуба...
Ушел, простившись ухажер...
Был поцелуй последний в губы,
Не позабытый до сих пор.
Не изменяя клятве верной,
Девчонка милого ждала.
Осталась Настя старой девой...
Бедуя, век свой провела.
В нужде, в слезах, в тоске гнетущей
Замкнулась в тихое житье:
Никто веселой и поющей
Не видел с той поры ее.
Живет в избенке прежней, маясь,
Шепча молитву у икон...
Скрипит над крышей дуб, состарясь,
Как будто тоже плачет он.

Письмо

Пожелтел листок и крошится.
Бледен след карандаша...
"Жди меня, моя хорошая!"-
Написал солдат, спеша.
Написал слова отрядные
И уверен был вполне,
Что письмо его порадует
Милку в отчей стороне.
Прилетела с фронта весточка
И лежит уж много лет.
Постарела свет-невестушка,
А солдата нет и нет...
Не сбылась мечта девчоночья,
Сколько выплакано слез!...
Ей бумажный треугольничек
Счастья так и не принес...

Святые слова

Листочки из книг и газеты,
Где с кляксами буквы меж строк,
Военного времени дети
В котомках несли на урок.

Напишут и тут же размажут,
Учитель за грязь не винил -
Писали древесною сажей,
Простых не имея чернил.

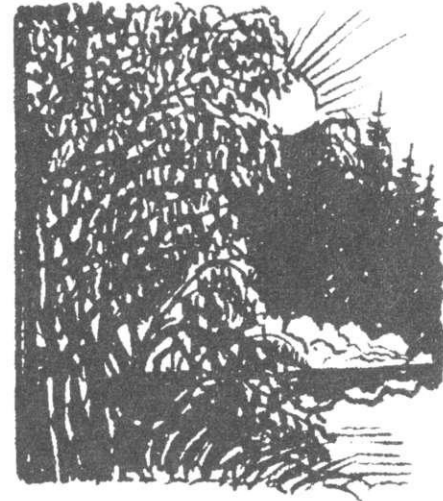
Худые и бледные руки
Держали лучинку едва.
Меж строчек корявые буквы
Слагались в святые слова.

Запомнилась грамота эта
И те огневые года.
"Отчизна", "Солдат" и "Победа"
Я в сердце вписал навсегда!

"Сувенир"

Постарел совсем дедуля.
Инвалидом стал давно:
У него под сердцем пуля -
В сантиметре от него.
Знает точно внук-любимец,
Что у сердца носит дед
Из свинца литой "гостинец" -
"Сувенир" военных лет.
Навсегда осталась метка.
Боль пронзит до стона вдруг.
Сразу вспомнится разведка
С переправой через Буг.
Это там ему однажды
На войне не повезло.
Но живет боец отважный
До сих пор смертям назло.
А у дедушки натура
Без амбиций и без зла.
Говорит, что пуля-дура,
Видишь, внук, куда вошла?
Дед багровый рубчик гладит
И внушает малышу:
"Я могу со смертью ладить-
Лет до сотни продышу."

Черемух дым

Любовь

У пруда, найдя скамеечку,
Приютились две души.
Парень, взяв за руку девушку,
Что-то шепчет ей в тиши.
От волнения зябко плечики
У красавицы дрожат.
Парень кутает их в клетчатый
Модный импортный пиджак.
Сердце робость пересилило,
Остальное - пустяки.
Ах, как сохнут губы милого
У пылающей щеки!
Нежно шепчут губы-розочки
Лишь понятное двоим...
На влюбленных смотрят звездочки
И подмигивают им.

Веснушки

Вышла девушка-резвушка
Рано утром на крыльцо.
Ветер-баловень веснушки
Бросил пригоршней в лицо.

Чудо-глазки, прелесть-ушки,
Но, оставшись на носу,
Распроклятые веснушки
Всю испортили красу!

Время тянется уныло,
Вот и вечер у окна.
"Ну, теперь разлюбит милый -
Что ты сделала, Весна?"

Всплыл над крышей месяц тонкий -
Крутобокая ладья...
Паренек твердит девчонке:
"Золотая ты моя!"

Свидание

Между сел бежит речонка,
Извиваясь и журча...
Парень робкую девчонку
На мосточке повстречал.
Здравствуй!

- Здравствуй!

Близко вечер,
Сердце ёкает в груди.
У девчонки злые речи:
Говорит ему: "Уйди".

- До свиданья!

- До свиданья!

Только юность не понять -
И назавтра Ваня с Маней
На мосту сошлись опять.
Между сел бежит речонка,
Спотыкаясь на мели.
И опять Иван девчонке:
"Ты с любовью не шали!"
Зря всю ночь водой талинку
Подмывала речка зло,
Утром с девушкой в обнимку
Паренек пришел в село.

Лето

День жарким пеклом вылился
На нивы и леса,
И с громким криком чибисы
Взмывают в небеса.
"Чи вы, чи вы?" - разносится
Над лугом заливым.
Стоит в прибрежной рожице
Густых черемух дым.
Речонка в даль торопится,
По камешкам звеня...
Душа на волю просится -
Простор зовет меня.
Вдали струится марево.
Кузнечик стер смычок.
А травы - чай заваривай,
Бери любой пучок.
И воздух -

не надышишься,
В цветах пчелиный гуд.
На поле шелк колыхнется -
Пшеничный изумруд.
Сквозят лучи иглистые,
И птицы, прячась в тень,
Хорами голосистыми
Июльский славят день.

Встреча

Как я ждал этой трепетной встречи!
Вновь она состоялась весной.
Ты не бросился, друг, мне на плечи,
Не завел разговора со мной.
Суетливый, веселый, чудесный,
Побывавший в далеком краю,
Сразу спел мне знакомую песню
На великую радость мою.
Слушал я и опять наслаждался,
Не сбегая навстречу с крыльца.
Как я рад, что увидел, дождался.
Дорогого солиста - певца!
Будто в сердце моем распахнулся
В этот час драгоценный ларец.
Прилетел! Наконец-то вернулся!..
Здравствуй, наш голосистый скворец!

* * *

Лето! Лето - зеленое чудо,
Красота золоченого дня!
Голубой перелив незабудок,
Огоньковый пожар без огня.
Возвращаюсь с покоса под вечер,
Тучных трав опьянил аромат.
Ноют ноги и, кажется, плечи,
Прокаленные солнцем, горят.
За деревней прохладу и свежесть
Сохранил в глубине водоем...
Вдоволь в пенистых брызгах натешась,
Бодрость чувствую в теле своём.
Завтра снова душистый и сочный
Меня встретит нескошенный луг.
Лето! Лето - короткие ночи,
Крепче сон, тверже мускулы рук.
Ах, как жаль, что на росной поляне,
Нежным чувствам моим вопреки
Под косой незабудки увянут
И погаснут в копне огоньки!

Мадонна

Рассвет горит румянцем,
С постели встала мать,
Дочь, возвратившись с танцев,
Зевнув, ложится спать.
Мать занялась делами
(Все сделать норовит),
- Потихе можешь, мама,-
Ей дочка говорит.
Чу! Булькает водичка,
И в угол сдвинут стол.
Дочь вскинула реснички -
Мамуля моет пол.
И от стыда не рдея,
Дочь подгоняет мать:
- Ты можешь поскорее
Все в комнатах прибрать?!
На землю ночь ложится...
- Дочь, ужинать иди!
Дочь, выкрасив ресницы,
Снимает бигуди.
Подкрасив ярче губы,
Садится за еду...
- Сегодня танцы в клубе,
Покушаю - пойду.

Гармонист

Звонкая тальяночка,
Старая гармонь.
"Ну-ка, Ваня-Ванечка
За живое тронь!"

Глянул, будто выстрелил,
Шапку - набекрень.
И накинул быстренько
На плечо ремень.

Заходили пальчики
Ловко вниз и вверх.
Все в ладу у мальчика,
Нет в игре помех.

Вырастет, Маланина
За кушак заткнет...
А гармошка Ванина
Весело поет.

Наигрыши звучные.
Гармонист - талант.
Вся деревня слушает -
Молодец, Иван!

- Вань, давай "Подгорную", -
Просит весь народ.
И с осанкой гордою
Вышел дед Федот.

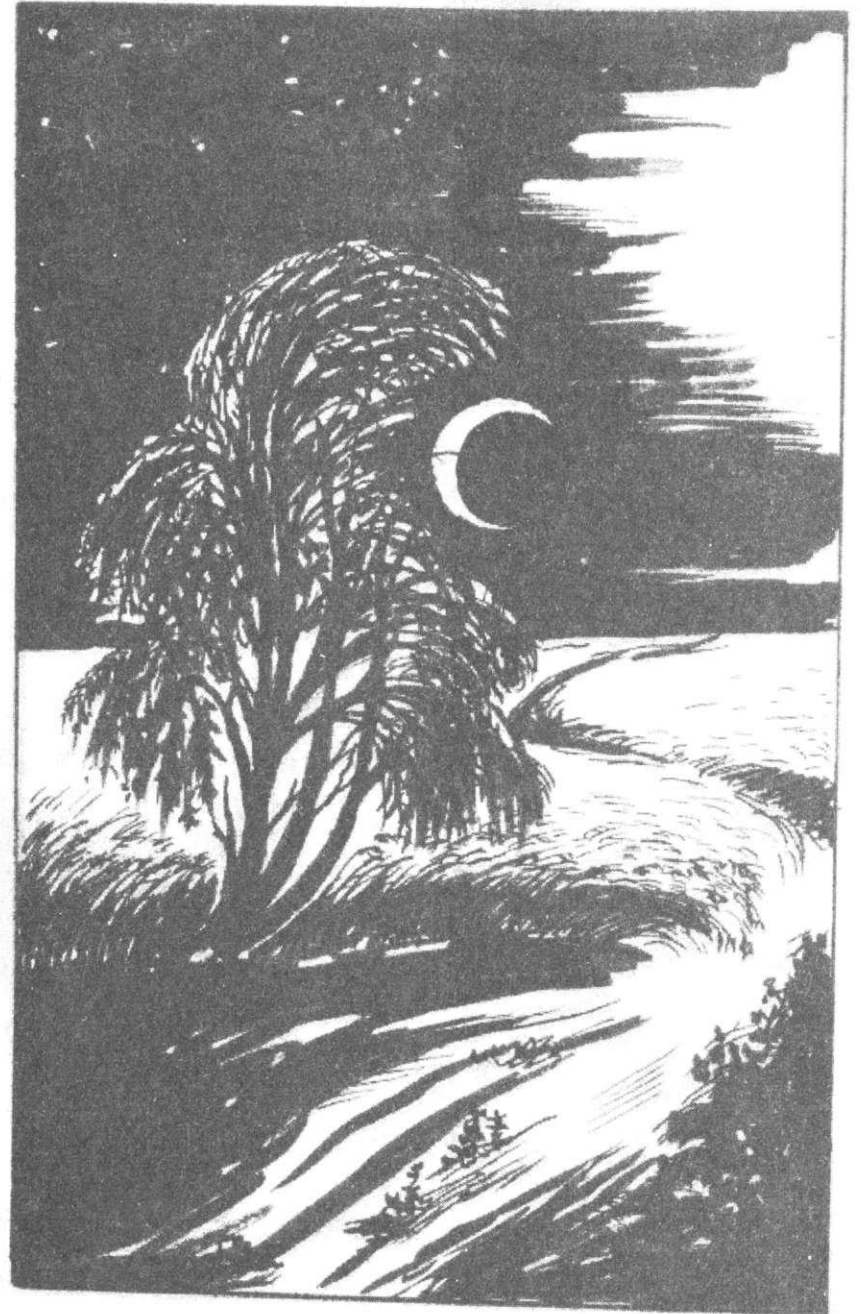
Бьют ладони ладушки.
"Ну-ка, старый хрен,
Покажи-ка бабушкам
Пятьдесят колен.

Постарайся, Ванечка,
Волю дай рукам..."
Дышит в такт тальяночка
Стертым каблукам.

Вдова

В небе тучки прячут звезды,
Ветер-баловень молчит.
Кто-то тихо ночью поздней
В дверь к красавице стучит.
Все бывает в жизни вдовьей -
Ей не страшно и теперь.
Не держать же на засове
Целый век закрытой дверь...
Слышит шорох осторожный,
Слово тихое: "Впусти".
"Не забыл, пришел пригожий -
Любит, господи, прости."
Будут снова разговоры,
Пересуды да молва...
Опустив на окна шторы,
Призадумалась вдова.
Злопыхалок черти бесят,
Бог прощает за грехи...
Из-за тучки вышел месяц,
И запели петухи...

Кукушкины цветы

Здесь громко плакала кукушка,
Роняя капли светлых слез.
Теперь покрыта вся опушка
Цветами синими вразброс.

Цветут, рассыпавшись, как капли,
В траве кукушкины цветы.
Не знаю так или не так ли:
Нарвешь, мол, их - и жди беды.

Кто птицу так возненавидел,
Давным-давно сумев наврать?
Я, на лугу цветы увидев,
Решил один из них сорвать.

Нет - это чьи-то предрассудки
(За правду спорить я готов):
Цветок не хуже незабудки,
Не ядовит и без шипов.

Поплачь на веточке, кукушка,
Роняя слезы с высоты,-
Чтоб красовались на опушке
Твои душистые цветы!

В деревеньке

В отдаленной деревушке
У речонки за леском
Остроумные частушки
Я услышал вечерком.

На ромашковой лужайке
Молодежь сошлась в кружок.
Высекал из балалайки
Звуки бодрые игрок.

Вышли девушка и парень,
Застучали каблуки.
По-цыгански Ваня шпарил -
То вперед, то взад пятки.

Словно парус у девчушки
Плавал сбившийся платок,
И вызванивал частушки
Залихватский голосок:

"Ване лень работать, знаю,
Потому и Ваню я
Даже в пляске вызываю
На соревнование..."

Обагрила щеки краска:
Ваня стал, как маков цвет.
И густым мужицким басом
Гулко выбросил в ответ:

"Привередница, Наташа,
Много ль ты работала?
На уме - лишь щи да каша,
А язык, как ботало".

И припляска с разворотом
По коленям - хлоп да хлоп.
Ну и пляска, как работа -
Не напрасно вымок лоб!

Вот он русский пляс-запалка
В медном отсвете луны.
Звон "Подгорной" балалайка
Выливала в три струны.

Смех и гомон - мило-любо
Парень девушке язвил,
Балагуров-скалозубов,
Потешая, веселил.

Поплясали все подружки -
Ой, ты, юная пора!
Задушевные частушки
Не смолкали до утра.

Кисть рябины

Подранок

Вдали закат осенний догорал
Кружились листья, облетая с веток...
Вдруг, кто-то тишь лесную разорвал,
Ударив вверх безжалостно дуплетом.

Ослабло перебитое крыло.
Упала в заводь раненая птица.
Всю ночь над ней, пока не рассвело,
Кружилась с криком уток вереница.

А утром, улететь на юг, спеша,
Прощально в небе прокричала стая...
Печально ей вослед из камыша
Смотрел подранок, тихо умирая...

Дятел

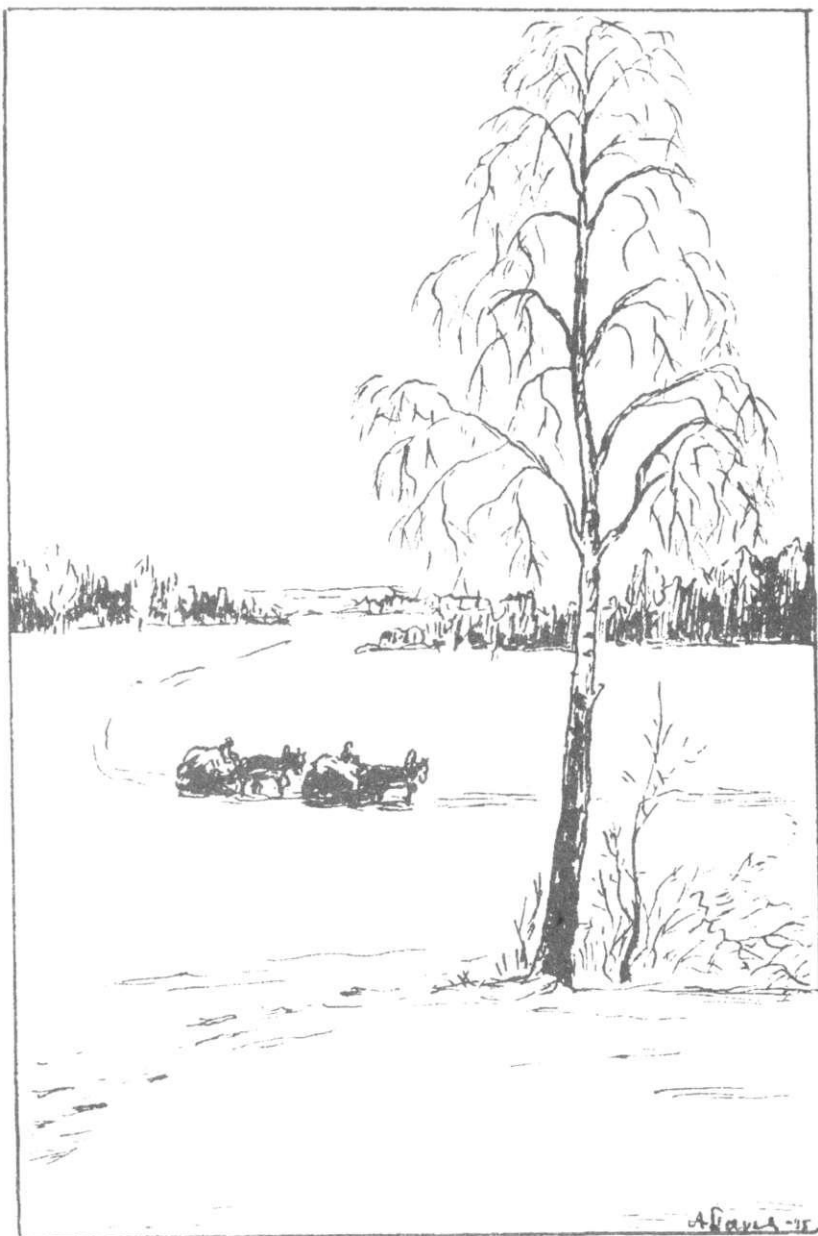
Вцепившись в старый ствол листвянки,
Роняя крошево в сугроб,
В лесу отчетливей морзянки
Проворный дятел сыплет дробь.
Идет работа полным ходом.
Занявшись ею на заре,
Он на еду себе находит
Жучков и гусениц в коре.
Тук-тук! И звон идет по сучьям:
Удар к удару, как ключом.
Стоит мороз сухой и жгучий,
А дятлу холод нипочем!

Рукодельница - зима

Что за прелесть на опушке?
Я гляжу туда-сюда:
На ветвях висят коклюшки
Из сверкающего льда.

Обомлев, стою под елью.
Иглы - темная канва.
Чье же это рукоделье -
Чудо-юдо кружева?

Вдоль опушки, как на ткани,
Серебристая кайма...
Хорошо на ранней рани
Поработала зима!

Добрый дед

Сегодня дед, поднявшись рано,
Не долго думая, схитрил:
Из старой крышки чемодана
Кормушку птичкам смастерил.

На сук березовый повесив,
Насыпал корму на нее,
От птах не ждал он чудных песен,-
Желал лишь скрасить их житье.

"Повеселели... Посмотри-ка,
Знать, по нутру им завтрак мой.
За все мне будете чирикать
В знак благодарности весной..."

Тук-тук

Тук-тук в стекло... Еще разочек...
Лютует стужа в январе.
Я продышал в стекле кружочек -
"Кто там за рамой на дворе?"
Гляжу и вижу: ножка-спичка
И в белом инее крыло.
Бедуешь, милая синичка,
Всем в это время тяжело!
Зима, зима! Мороз и холод...
Нужде и бедам нет конца.
Я через форточку на холод
Ей бросил свежего сальца.
Тук-тук - клюет пичуга часто.
(Теперь и жизнь совсем не та)
Вот в чем большое птичье счастье
И человечья доброта!

Скворушка-Егорушка

Ах, как светит солнышко -
На дворе - апрель.
Прилетевший скворушка
Рассыпает трель.

Скворушка-Егорушка
Славит свой прилет,
Раздувая горлышко,
Весело поет.

От души старается
Удалой певец.
Люди улыбаются:
"Ай, да - молодец!"

Удивляет звуками,
Словно пародист:
Кошкой промяукает,
Перейдет на свист.

После безголосицы -
Стылой тишины,
Сердце так и просится
В мир голубизны.

В блеске лес и полюшко,
Отступил мороз...
Скворушка-Егорушка
Нам тепло принес.

Воробей

Наш воробей - простая птица,
Не знаменит его портрет:
Кафтан из серенького ситца
Да темный вытертый берет.
Живет свой век с презренной кличкой
Вблизи селенья издавна,
Кричит, чирикает обычно
В шумливой стайке у гумна.
Вот он уселся у оконца,
Не суетясь по мелочам,
Подставив грудь восходу солнца,
Его ласкающим лучам.
Давно ли стужа злилась люто,
Был снежный смерч и гололед?
Забыв про все, встречая утро,
Как он ликует и поет!
Не то, что с ровным переливом,
Как соловей или скворец,
Нет трели вычурно-игривой,
До слез не трогает сердец...
И все же - песня!

Льется песня,
Неудержимо и любя,
Она звенит, ей стало тесно
В счастливом сердце воробья.

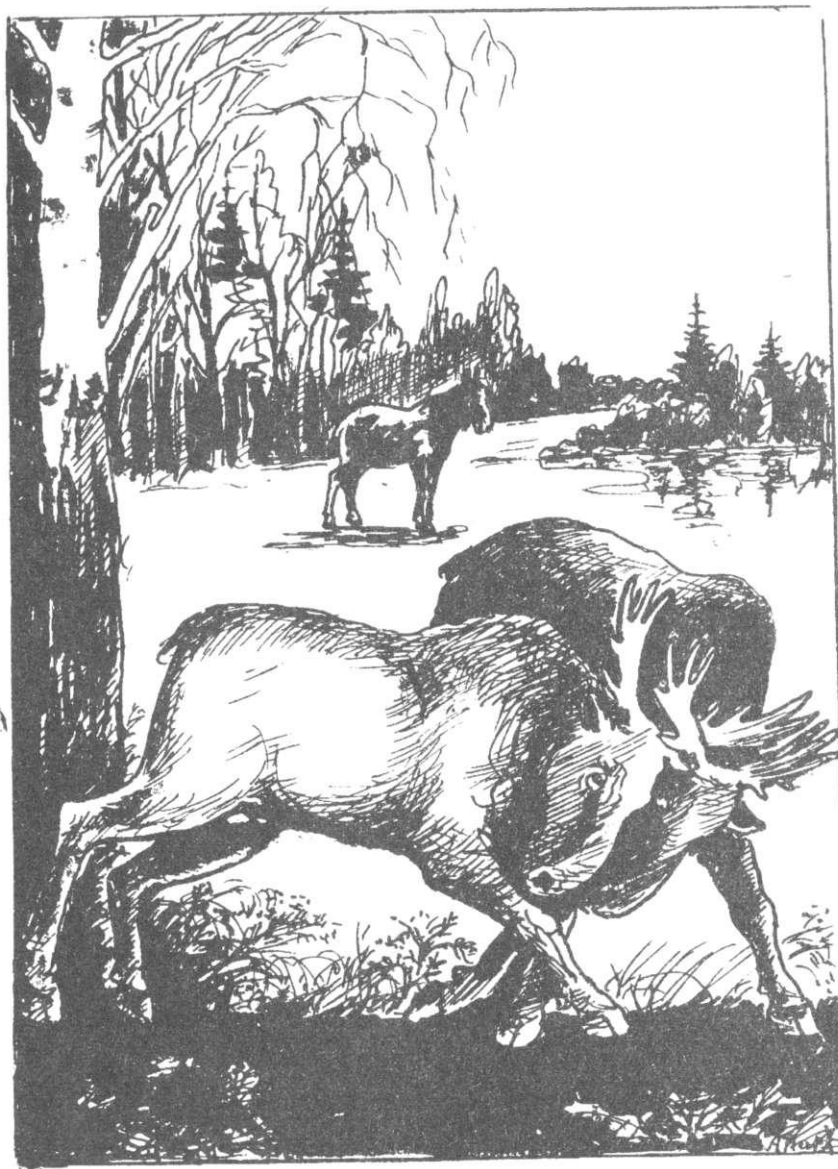
Снежная книга

Умна зимы развернутая книжка.
О многом говорят ее листы.
Вот в тальнике, кружа, петлял зайчишка.
Косой хитрец запутывал следы.
А вон в лесок протянута цепочка,
(Знакомый след мне бросился в глаза)
Как по линейке прочертила строчку -
Прямым пунктиром рыжая лиса.
Протопал грузный лось к стогам колхозным,
Развесив шерсть на сломанных сучках.
И стройная косуля грациозно
Прошла за ним на острых каблучках.
А здесь следы на ровной глади снега
(Их не заметив, я пройти не мог),
Следы недоброго и злого человека -
Огромный оттиск кирзовых сапог.
Сначала шел. Потом стремглав бежал он,
От жадности запальчиво дыша,
Туда, где замертво животное упало
У ключьев обгоревшего пыжа...
Все мы прочтем в раскрытой снежной книжке.
Она от наших глаз не утаит
Следок едва заметной серой мышки
И браконьера алчный аппетит.

Лесная дуэль

Качнувшись, вздрогнула рябинка,
В распадке эхо отдалось,
Когда в смертельном поединке
В лесу сразился с лосем лось.
А рядом стройная лосиха,
Чтоб с сильным разделить судьбу,
Как изваяние притихла,
Смотря на дикую борьбу.
Бой беспощаден и неистов,
Какой бывает у врагов,
Ревут соперники басисто
Под стук увесистых рогов.
И, наконец, прижатый к ели,
Один не выдержал из них:
Иссякли силы на дуэли -
Пал на колени и затих...
Жестокость дикая в инстинкте!
Но так всегда из года в год,
Зверь бьется насмерть в поединке,
Чтоб в жизни свой продолжить род...

Ель

В ночном лесу гуляла
Проказница-метель.
Пушистый снег вздымала,
Окутывая ель.
На ветках снега навись -
Причудливая вязь.
Как будто всем на зависть
Стояла ель, гордясь.
Стоять бы ей, хвалиться
Сверкающим добром,
Но вдруг мужик явился
С блестящим топором.
Тяп-тяп - и, брызнув, щепки
Рассыпались вразброс.
Добычу взяв за ветки,
Мужик домой унес.
Чтоб ночь повеселиться
И выбросить красу...
Ах, лучше б ей родиться
Бояркою в лесу!

Зарянка

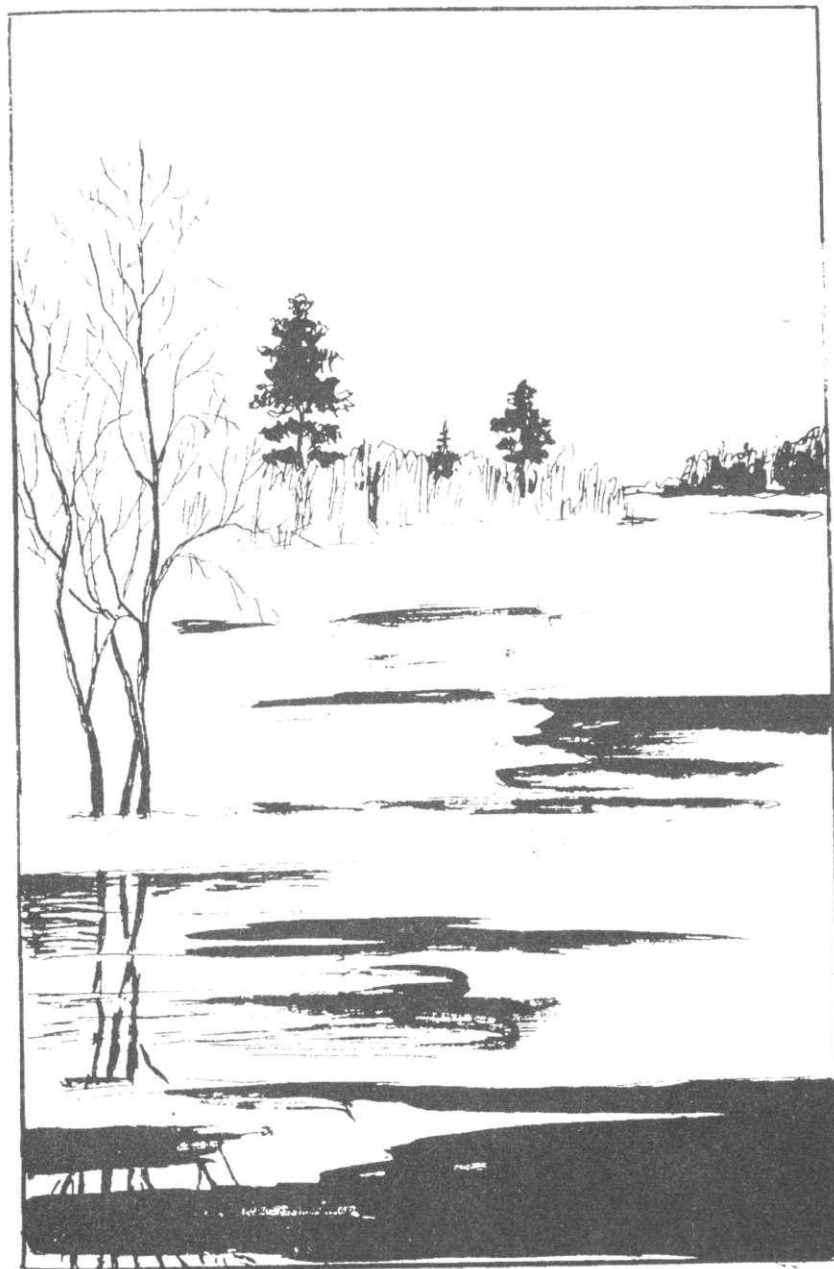
В бору сосновом, сонном спозаранку
Я вижу ели в росном серебре.
И слушаю залетную зарянку
И ручейки на утренней заре.

Кого она зовет? Кого-то будит,
Тревожно и волнующе звеня,
И кто ее поймет, и кто рассудит.
А может быть, она зовет меня?

То замолчит, то снова окликает,
И лес притих в нарядном серебре.
Но никогда зарянка не узнает,
Кого я ждал на утренней заре.

Пробуждение

Вдруг с потолка закапало -
Вода стучит, как дробь.
Зевнув, топтыгин лапою
От лаза снег отгреб.
Шагнул медведь на волюшку
Дивясь, глядит вокруг.
В глаза метнуло солнышко
Лучей колючий пук.
Прищурясь, воздух нюхает -
Как свеж и сладок он!
А сверху капли плюхают -
В ушах стоит трезвон.
Тепло. Весна стозвонная.
В воде - лучей игра...
Прощай, берлога темная!
Проветриться пора.

Вещунья

Опять в душе с тоской невыносимой
Вошел я в тихий опустевший сад,
Где чувствуется еле уловимый
Меж яблоневых веток аромат.
Каналья-осень рыжею лисицей
Прошлась по грядкам знобким ветерком.
На голой ветке тенькает синица
Каким-то отрешенным голоском.
О чем пичужка шустрая вещует?
О чем здесь так безрадостно поет?
Зима суровой будет, сердце чует,
Для всех сезон тяжелый настает.
Осенний дождь. На небе нет просвета.
От скуки к горлу катится комок.
Как будто с думой об уходе лета
Сутулый клен до веточки промок.
И словно слезно жалуясь на осень,
Мол, посмотри, что вытворить смогла,
Стучась в окно мое, с мольбою просит
Хоть чуточку участия и тепла.

Кисть рябины

Пылает жаром кисть рябины
В хрустальной вазе у окна.
И у тебя, как первый иней,
Белеет в прядках седина.

Ах, бабье лето, бабье лето!
Тепло прощальное земли.
И не тебе ли вновь об этом
Курлычут в небе журавли...

Горит рубин в холодных гранях,
Играют блики на столе,
Но в нашей памяти не канет
Воспоминанья о тепле.

Не прячь свои седые прядки
Судьбу нелегкую кляня,
Давай считать, что все в порядке
И у тебя, и у меня...

Вожак

Опять на стерне
пожелтевшей и колкой,
Где воздух хранит
еще хлебный настой.
До вечера птицы
кричат без умолку,
Готовясь подняться
в небесный простор.
Им путь предстоит
многотрудный и длинный.
И, видно, поэтому
старый вожак
С придиркой обходит
бивак журавлиный -
Лишь сильных невзгоды
в пути не страшат!
Не раз на себе
он испытывал это
В неласковых далях
неведомых стран...
И завтра, поднявшись
стремительно в небо,
Он вновь поведет
за собой караван.

Прощальный дар

Когда от нас, спеша, уходит лето,
Щемит сердца непрошенная грусть.
Опять в моем саду с поникших веток
Роняет листья пожелтевший куст.
Сырая осень топчется в предверьи,
Замолкли песни бойкого дрозда.
И во дворе гоняет ветер перья,
Сдувая с опустевшего гнезда
Земля еще обласкана, согрета
И щедро дарит людям за труды.
Прощальный дар оставило нам лето -
Последние садовые цветы.
Какую прелесть красок расплескало -
Живую чудодейную красу:
Цветут гвоздики, георгины, каллы
И жадно пьют прохладную росу.
Блестят, как слезы, капельки-росинки,
Медвяный запах в воздухе повис...
А желтый куст бесшумно у тропинки
К ногам моим роняет мертвый лист.

Закат

Летний вечер. Минуты заката.
Солнце, будто на море ладья,
Уплывает тихонько куда-то
В неизвестные дали-края.
Облака, как застывшие волны,
Раскаленные алым огнем,
Призадумались в небе бездонном,
Закрывая вдали окоем.
Скрылся солнца кочующий парус
За темнеющей кромкой земли...
И печаль в моем сердце осталась,
Как разбитый корабль на мели.

Окаянные дни

Благовест

Разносит благостные звоны
Свободы ветер по Руси.
И кто-то шепчет у иконы:
"Господь, помилуй и спаси."
Кто был морально изувечен,
Не обходил того господь:
Он шел всегда ему навстречу,
Чтоб исцелить и дух, и плоть.
Невежды веру отвергают,
Сквернят безбожники, греша,
Злословят, грабят, убивают,
Бездумно дьяволу служа.
Лютуют в мире люди-звери,
Сойдя с священного пути.
Пора подумать нам о вере
И к Богу каяться идти.
К нему зовут сегодня звоны.
И, кто прозрел, встает под крест...
...Да будет светел мир спасенных
И громче в храмах благовест!

Ожидание

Глядят со снимка из овала
Мать и ребенок лет пяти.
С любовью трепетной прижала
Она его к своей груди.

В ее глазах - восторг и счастье,
В здоровом теле - красота...
Не та сегодня тетя Настя -
Смотрю, совсем уже не та!

Старушка, худенькая очень,
Простая, добрая на вид,
Домой ждет сына дни и ночи,
Вздыхая, думает, не спит.

Нет ни письма, ни телеграммы
Ей от родимого сынка.
В глазах - печаль, как ночь за рамой,
В душе - тяжелая тоска.

Был сын - надежда и утеха,
Но как окреп и возмужал
Оставив дом, давно уехал,
Вернее - из дому сбежал.

Из мест родных махнул на Север,
Где "подходящие рубли"...
А мать надеется и верит:
Приедет, купит "Жигули".

Все будет: деньги и невестка,
Детишек ласковых - полно...
Ночь уступает утру место.
Блестит на солнышке окно.

Но что так сердце ноет шибко?
Не может места мать найти...
А с фотографии с улыбкой
Глядит ребенок лет пяти...

У ручья

Злой человек и добрый лось-сохатый,
Сухую жажду чувствуя внутри,
Пришли к ручью на бережок покатый
Глотнуть прохладу трепетной струи.
Два существа застыли в напряженье,
Лось не затеял дикую вражду,
Ловил глазами каждое движенье,
Не шевелился: "Лучше пережду..."
А человек, чуть отвалясь под елку,
Так поступить, по-умному, не смог:
Прижав к плечу заветную двухстволку,
Нажал привычным пальцем на курок.
Осев, поник красавец круторогий,
На человека влажный глаз кося,
Как будто мыслил:
"Эх ты, зверь двуногий!
Тебе ни в чем довериться нельзя!"

Тяжко, Ваня!

- Нет костюма, нет тетрадок,
Нет в портфеле нужных книг...
Школа, сын, не детский садик.
Что мне делать, ученик?
Нет ни шапки, ни ботинок,
Пальтецо сносил совсем.
Путь один - на "дикий рынок"
К спекулянтам, только с чем?
Видно, будем побираться
В мире страха и невзгод.
Мало толку от дотаций -
Нет для нищих благ и льгот.
Мне терпеть нужду и муку.
Отдохну потом, в гробу...
Тяжко, Ваня, но в науку,
Как и в Храм, тори тропу.
"Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик".
Не ленись,
пострел курносый,-
В люди выбьешься, глядишь...
Может быть, как Ломоносов,
Мрак в России просветлишь...

Ну и жизнь

Сверху капает вода
С известью да копотью,
Жизнь похожа, ой беда,
Очень на окопную.

Дядя Ваня воевал:
Тело изрешечено.
Силы все стране отдал,
А покушать нечего.

Крыша, вон, как решето,
Дров с углем не выпросишь,
Истрепалось и пальто,
Но его не выбросишь.

Износилось - бросить жаль,
А купить - фантазия...
На трепье висит медаль -
Экая оказия!

Не помог и профсоюз:
Все там, как незрячие.
Ну и жизнь! Сплошной конфуз
С нравами собачьими.

"Тянет всяк себе, сопя! -
Дед ворчит и хмурится,
Знает, что лишь от себя
Отгребают курица, -

Бюрократов не сломать.
Вся страна развалена...
Дожились, едрена мать!
А ругают Сталина..."

С горя бросило в озноб,
Снова нездоровится...
Дед себе готовит гроб:
В мир иной готовится.

Отмаялся

Уводил Максим Глафиру
От житейской пропасти:
Жил, трудился, ждал квартиру -
Уголок с удобствами.
Ой, как вкальивал трудяга,
На работе парился.
В ожидании бедняга,
Захирев, состарился.
От казенных обещаний
Слег в мученьях стрессовых,
Проклиная на прощанье
Бюрократов бесовых.
А чинуши не шутили,
Загибая пальчики.
Гроб Максиму сколотили,
Отпустив по справочке...
...Люди слушали Глафиру,
Когда муж преставился:
"Дали все-таки квартиру -
Заслужил, отмаялся!"

"Шмон"

В дом-интернат, казенную обитель,
Где век свой доживает человек,
Был помещен преклонных лет грабитель,
На днях на волю выпущенный зэк.
Он был отсевком в общей жизни с детства,
Избравши путь насилия и краж.
Лежит с ним честный старец по соседству,
Трудом и потом приобретший стаж.
Теперь он слаб, испытывает муку,
И, видно, час кончины недалек.
А темный тип, в "делах" набивший руку,
Впотьмах его шмонает кошелек.
Привычный трюк натасканного волка...
Плевать на доходягу-старика!
В трояк вцепилась с выцветшей наколкой
Грабительская грязная рука.
Здесь все сойдет без карцера и с миром:
Не даст отпор убогий инвалид...
Старик всплакнет, а бывший зэк чифиром
В горячий полдень жажду утолит.

Дикость

Снова "белые мухи"
Над землей мельтешат.
А у бедной старухи
Ни угля, ни денег.

Немощь, боль и забота -
Очи пухнут от слез.
Не поможет ли кто-то?
Люди помнят, небось?

Ох, как все изменилось!
Стала жизнь - ну и ну!
Было время, трудилась,
Укрепляя страну.

Жгли мозоли ладони,
Свет мутился в глазах...
У советской мадонны -
Нынче бедность и страх.

Услужил горемычной
"Сердобольный" сосед:
За бутылку "Пшеничной"
Починил туалет.

Хитро реплику кинул:
"Хочешь жить, так вертись,-
Входит, матушка, рынок
В нашу трудную жизнь".

... Проклинаю законы,
Ту и новую власть,
Мать глядит на иконы
Со слезами, крестясь.

Думы мрачные гложут:
"Дикость - можно сдуреть...
Дай мне, грешнице, Боже,
По-людски умереть!..."

Кому служить

В углу портфель и шайба с клюшкой:
На днях ушел в солдаты внук.
Что будет там теперь с Андрюшкой?
Наверно, дни муштры и мук.
Он на прощанье, в щеку чмокнув,
Сказал мне: "Деда, не тужи...".
И я ему ответить смог лишь:
"Пусть Бог хранит тебя! Служи!"
А в голове смешались мысли
В какой-то горький винегрет.
Служить-то, кажется, нелишне,
Да вот не видит смысла дед.
Нет "легендарной" -
 развалилась.
Была держава, да сплыла...
...Надейся, внук, на Божью милость,
Авось, наладятся дела!

В школу

Тихий сад горит багрянцем,
В синем блеске небосвод...
Карапуз сегодня с ранцем
В школу с мамою идет.

Мать ведет его за ручку.
На двоих один букет.
"В добрый путь, любимый внучек!" -
От калитки машет дед...

За спиной тетради, книжки
И набор карандашей.
Что творится у мальчишки
В хрупкой, маленькой душе?

А в душе его - веселье
И к грядущим знаниям страсть.
Он придет к заветной цели,
Коль ему поможет власть.

Всем известно, что в науку
Каменистый, трудный путь:
Через нервы, через муку
И опеку чью-нибудь.

За учебный курс и знания,
Когда вырастет большой,
Людям выразит признанье
Благородною душой.

В президенты выйдет, может,
Белокурый Василек...
А вот маме душу гложет
Слишком тощий кошелек.

Нет в семье пока достатка,
Благ не видит и во сне.
Даже школьная тетрадка
В ужасающей цене!

Придавила их, как глыбой,
Перестроечная жизнь...
Действуй, юный наш Кулибин,
Курса верного держись!

В школу - Миши, Коли, Пети!
Над страной рассвет встает.
Впереди вам что-то "светит",
Впереди вас что-то ждет!

Вам дерзать-творить придется,
Русь из скверны поднимать.
Мальчик весело смеется...
Тяжело вздыхает мать...

"Бартер"

Двух приятелей за партой
Еле слышен разговор.
В лексиконе слово "бартер" -
Обоюдный договор.
Каждый выложил заначку.
Все о,кей, не криминал:
Петя Мише - в руки жвачку.
Миша Пете - свой пенал.
Нынче в торг ведет дорога
И сопливых малышей.
Разъясненья педагога
Пролетают меж ушей.
"Петя Брыкин, выйди к карте,
Покажи, где Кара-Кум".
Петя твёрдо знает "бартер",
А вот в карте - ни бум-бум.
"Миша, вот тебе указка.
Выйди, Пете покажи..."
Оба тужатся напрасно,
Растерялись торгаши.
Оба блудят, оба мямлят,
А ответы не верны...
Эти явно не поправят
Экономику страны.

* * *

Иной, изнуряясь без дела,
По-старчески щурясь брюзжит:
Мол, все на земле надоело,
И к жизни душа не лежит.
Найти себе места не может,
В миру заблудившийся гном.
Тоска, мол, душевная гложет, -
И дружбу заводит с вином.
Охотно ложится на плаху,
Безумец, напившийся в дым.
А бог виночерпия Бахус,
Довольный, смеется над ним...

Эх ты, Вася

Ветерок несет с Кавказа
Дым пороховой.
Сибиряк голубоглазый
В зоне огневой.
Он в одежде камуфляжной
Прибыл на Кавказ.
Автомат его заряжен,
Дан стрелять приказ.
Парень, мучаясь, бедует,
Сняв, ушанку мнет...
За кого и с кем воюет -
Так и не поймет.
Не видать любовной неги
С милкой озорной.
Подвели его "стратегии"
К грани роковой.
Взяв у матери, подстригли,
Бросив с ходу в бой.
Приготовься, целит "стингер"
В парня горец злой.
Будет "пушечное мясо"
Из таких солдат.
Эх ты, Вася! Мальчик-Вася,
В чем ты виноват?

Беда

Собрав привычный "тормозок"
С едой, к обеду подходящей,
Отец взглянул еще разок
На всех детей, в обнимку спящих.
Супругу в лоб поцеловал
(Как и до этого бывало),
Собаку, молча, поласкал -
В хозяйстве верного Байкала.
И узкой тропкой пошагал,
Через лужок с травой влажной.
Во след хозяину Байкал
Провыл тоскливо и протяжно.
Собачье острое чутье
Беду в то утро предвещало.
Беда! Всегда не ждешь ее -
Она случилась в миг обвала.
Остался целым "тормозок",
Продукт шахтерский был не съеден.
Костью хозяин в шахте лег,
Погиб как раз перед обедом.
Оставил труженик семью...
Поминки были в день погожий.
Начальник, проглотив кутью,
Сказал: "Трудяга был хороший..."
Поникла в трауре вдова,
От горя всхлипывали дети.
Байкал, забившись за дрова,
Скулил беспомощно в повети.

Школьные азы

"Мама моет раму,
Папа доску пилит..."
Детскими устами
В школе мы твердили.
Но нашлись пройдохи,
Все пустив на рынок.
И внушают крохе
Цену брюк, ботинок.
Пишут Маши, Генки
В школе, сев за парты:
"Есть у мамы деньги,
"Мерседес" у папы..."
В жизни и в науке
Нынче все иначе:
"Папа моет руки,
Мама деньги прячет".

Седая прядь

Давно ли чернявой девчонкой
Резвилась соседская дочь!
Веселая, с голосом звонким
За речкой гуляла всю ночь.
Заветного счастья искала
И все же его не нашла.
Хозяйкою, мамой стала,
Но ищет отрады душа.
Стройна, как березка у тына,
И силы завидной полна,
А в локонах, как паутина,
Блестит серебром седина.
С чего бы нежданно-незванно
Житейский свалился снежок?
С того он, видать, что так рано
Сосватал беспутный дружок...
Гляжу, как в войну на солдатку,
Ей счастья бы полный глоток!
Она же с сединками прядку
Под шелковый прячет платок.

Чистая душа

Недолго жить Наташе оставалось,
Дни истекали, как в часах песок.
Она уже не пела, не смеялась...
Звучал все тише детский голосок.
А мир земной она душой любила
И мыслила о многом широко.
Болезнь бедняжку к койке придавила.
Ей жить, страдая, было нелегко.
В последний день, наверно, осознала,
Что покидает мира ералаш.
И, помолившись, тихо прочитала
В свой смертный час молитву "Отче наш".
Мне жаль ее - ребенок мало пожил,
Душа кристально чистою была...
Прими ее к себе на небо, Боже,
И дай два легких ангельских крыла!

Бомж

Как дробью холодной и звонкой,
Бьет крупный неласковый дождь.
Накрывшись прозрачною пленкой,
Спит крепко на лавочке бомж.
Куда в нашей жизни стремится
Отверженный обществом тип?
И что ему, бедному, снится
Под мокрыми кронами лип?
Диванчик ли в светлом коттедже,
Иль жирного мяса кусок,
Иль жизнь безмятежная прежде,
Когда, как собака, не мок.
А может, он видит газету
С мурлом добродеея-вождя?
На пленку срываются с веток
Холодные капли дождя.
Проснется скиталец бездомный,
Реформами сломленный бомж,
Завшивленный, грязный, голодный
В стране, где житье невтерпеж.
Куда человек устремится?
В какой осчастливленный край?..
Быть может, дойдет до столицы,
Где людям готовится рай?

Мариула

Что видит во сне в этот час Мариула?
Комфорт? Изобилия рог?

Не слышит вокзального нудного гула
И спешного топота ног.

Чернявая девочка, резвый ребенок
Пройдет по стезе роковой,

Не зная тепла и стерильных пеленок,
Смирившись с своею судьбой.

С утра приставала: "Давай погадаю,
А хочешь - спляшу - не за так".

Всему научила бабуся седая -
Иначе, мол, дело - табак!

Старуха с дороги своей не свернула,
Избрав воровство и обман.

"Учись,- говорит,- у меня, Мариула,
Извечному делу цыган...".

А девочка спит и гуляет улыбка
На тонких красивых губах.

Ей снится, наверно, с гнедыми кибитка
И вдаль убегающий шлях...

Молитва

Мы - упрямые люди,
В жизнь войдя, как в игру,
Ладить с Богом не любим,
Суется на миру.

Заблудился я, Боже,
На греховном пути...
Ты все видишь и можешь,
Умоляю, прости...

Совість, мучая, гложет.
Час грядет роковой...
Осени меня, Боже,
Своей чистой рукой.

Сколько зла я посеял,-
Жизнь моя нечиста...
Помоги фарисею
Поумнеть у креста...

Горе

Плачет слезно мама Вера:
Прибыл гроб издалека.
Горец пулей с БТЭРа
Снял в бою ее сына.
Связан в бантик креп на крышке.
Милый образ под стеклом.
Был сынок - и нет парнишки.
Жизнь короткая - в былом.
Привезли солдата в "цинке":
Что осталось, то - и вам...
В доме горькие поминки -
Слезы с водкой пополам.
Милый сын ушел навечно
По приказу на тот свет.
Освещает тускло свечка
С черной ленточкой портрет.
Сколько их в Чечне убито,
В дикой бойне наповал!
Их судьбу решил политик,
В пекло бросил генерал.
Ходит ветер на погосте
Шевеля цветы в венках...
Помрачнел отец от злости,
Стиснув пальцы в кулаках.

Похороны старика

Лежал он на замызганном диване,
Худой, остывший и, как стенка, бел.
И на груди, сверкая каждой гранью,
Войны Отечественной орден пламенел.

В трубе, свистя, холодный ветер глухо
Забрасывал снежинки на шесток.
Пришли соседи. Охая, старуха,
Топчась у трупа, комкала платок.

В полдневный час взвалили гроб на сани,
И на погост Савраска потрусил.
Дворняга-пес, оставшийся "хозяин",
Как человек, им вслед проголосил.

У свежей ямы парни хлопотали,-
Беспечные, в испарине хмельной...
Поспешно ветерана закопали,
Без почестей отправив в мир иной...

Российская мадонна

Идет российская мадонна,
Спешит, торопится домой.
В ее глазах печаль бездонна,
Как истомилась, Боже мой!
В руках пакет, бидон и сумка.
За юбку держится малыш.
А в голове одна лишь думка:
"Что день грядущий мне сулит?"
Где добрый вид, краса улыбка?
На сердце давит жизнь свинцом:
Не "пошикуешь" нынче шибко
На ста рублях вдвоем с мальцом!
Куда ни глянь, "кусают цены",
Сплошной обман и "ловкость рук".
Ведь дефицит сегодня в целом
Лишь у дельцов и у хапуг.
Нет ни защиты, ни закона...
"Что будет завтра, Боже мой?"
Идет российская мадонна
С тревожной думою домой.

Нищая

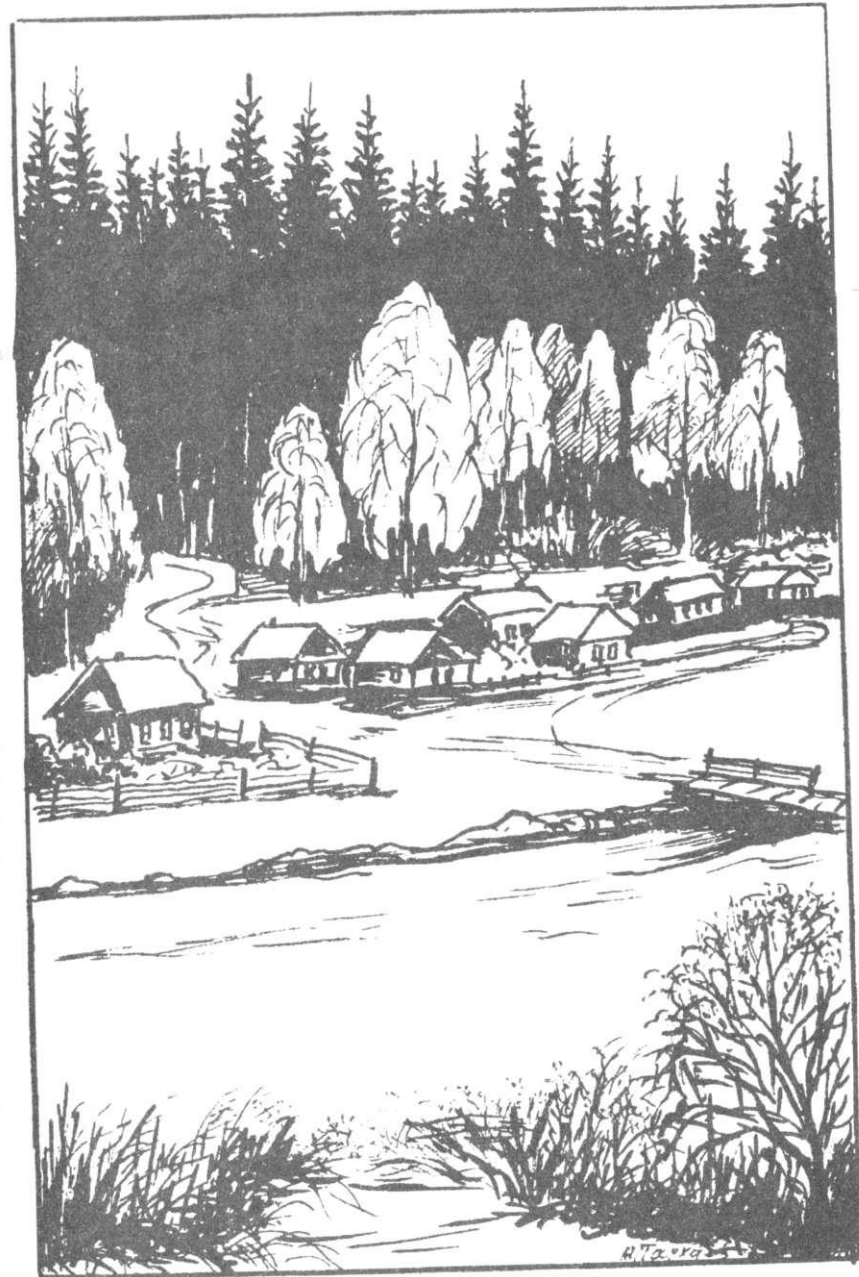
Что за жизнь? Неуютно и тяжко!
На ступеньке, где шарканье ног,
Примостилась старуха-бедняжка,
Повторяя: "Спаси тебя Бог!"
Тянет к людям иссохшую руку.
Взор как будто кричит: "Помоги!"
Жизнь дала ей страданье и муку -
Каждый день собирать медяки.
Люди будто не видят бабуся.
Равнодушно идет молодежь.
Я смотрю с содроганьем и грустью:
"Эх, несчастная, где ты живешь?"
Нет, не те стали братья-славяне,
Что трудились, живя на Руси!
Нынче скупое дают подаянье -
Состраданья у Бога проси...
Как нужда нас сгибает и рубит -
Не богат я сегодня и сам...
Поделю с тобой, матушка, рубль
Тот, что есть у меня, пополам...

Земной поклон

Святое место

Деревенька-деревушка:
За бугром - к избе изба,
Леса тихая опушка,
К речке - торная тропа,
Плач кукушки, сойки соло,
Звонких жаворонков трель,
Аромат медвяный с поля,
В небе радуг акварель.
Перед бором - тучный выпас:
Муравы зеленый шелк,
Мощный кедр, как будто витязь,
Из тайги на луг пришел.
Родничок вблизи певучий,
Черпачок из бересты...
Край родимый - самый лучший,
Бесподобной красоты!
Кто-то скажет: расхвалился.
Хвастовство из уст, как дым...
...Всяк то место, где родился ,
Не шутя, зовет святым.

Глухаринка

Там, где травы, как перинка,
В царстве мощных кедрочей,
Есть деревня Глухаринка,
За околицей - ручей.
Он журчит в тайге дремучей,
Возле стен семи дворов.
Комары летают тучей.
Ночью - всхлипы диких сов.
Только конным, только пешим
Досягаема была...
А недавно в край медвежий
Автотрасса пролегла.
Слышен мощный рев моторов , -
Признак, вроде, неплохой...
Надо думать, станет вскоре
Глухаринка не глухой.

Торсьма

К пряслу прясло. К стенке стенка.
Огород. Колодец. Двор.
К лесу жметя деревенька,
Убегая за бугор.
Избы. Баньки в огородах,
Где крапива больно жжет.
Тропка узкая уводит
На пологий бережок.
За густыми тальниками
Голубея, как тесьма,
Извиваясь, лижет камни
Мелководная Торсьма.
Речка - так себе, не Лена:
По колено воробью.
Но всем сердцем, неизменно,
С детства я ее люблю.
Помню, как она, бывало,
В жаркий полдень на мели
В светлых брызгах омывала
Ноги босые мои.
Сяду рядом, чтоб послушать
Милой речки говорок.
Освежу водою душу,
Смыв седую пыль дорог.

Возрождение

Избы серые сутулятся,
Прижимаясь к бережку.
С бугорка сбегает улица
К пересохшему ложку.
Дышит ветрами медвяными,
Видит рощи и поля
Деревенька деревянная,
Незабвенная моя.
Будто мать накрылась небушком -
Голубым большим платком.
Ах, как вкусно пахнет хлебушком
Да бодрящим молоком!
Золотясь, всплывает солнышко,
Звонок голос петуха,
Из дворов идут коровушки
На дуделку пастуха.
У колодца ведра звякают.
В срубе гукает бадья.
Две соседушки калякают
О превратности житья.
Вышла хрюша с поросятами,
В конуре зевает пес,
Клушка с желтыми цыплятами
Разгребла парной навоз.
Вижу я картину дивную:
Деревенька ожила!
А была "неперспективной",
Умирающей была...

Август

Август - лето на ущербе,
Чаще россыпь зыбких рос.
Седина в косе у вербы,
Проседь в локонах берез.
Больше в лес тропинок торных,
Слаще ягодный налив.
В колосках созрели зерна,
Стебли гибкие склонив.
Не напрасно говорили
В старину, садясь за стол:
"Август - время изобилия,
Собериха, разносол".
Поле, лес и огороды
Отдают богатый дар,
Пряный воздух с хмелем бродит,
Пахнет фруктами базар.
Месяц август - месяц дивный,
Кормит вдоволь и сполна...
Даже будто спелой дыней
В небе катится луна!

Вовка

"Неказист", - подумал я о Вовке.
Быть бы ему в школе среди детей.
А уже в промасленной спецовке
И в мазуте руки до локтей.
Утром в цехе парня вижу рядом.
Лишних слов не любит говорить.
Крутит гайки. Пот порою - градом.
Непростое дело - слесарить!
Тяжело! Молчит шельмец отпетый!
И пока не ропщет на судьбу.
Затянувшись крепкой сигаретой,
Он плюет сквозь дым через губу.
На обеде с видом работяги,
Утерев с лица соленый пот,
По-мужицки жадно пьет из фляги,
Принесенный из дому компот.
Жизнь, известно, непростая штука,
И сложна рабочая среда...
"Вовка, Вовка - здесь твоя наука,
Высшая грамматика труда!"

Перекур

Табак - мой враг, но между прочим,
В желанный краткий перекур,
Тянусь я каждый раз к рабочим,
Где "травит байку" балагур.
Сидит, строча скороговоркой,
Дымит "Прибоем" парень наш.
Ни дать, ни взять - Василий Теркин,
Литературный персонаж.
Ребята слушают с охотой,
Вникая в меткие слова.
Бросают реплики, хохочут -
Острил чумазая братва.
Мотать на ус, чесать в затылке
Потом приходится иным.
И долго плавает в курилке
Голубоватый едкий дым...

Умелец

В очках, сутулый, тих и скромн,
С обидным прозвищем "Вахлак",
И впрямь он будто наспех скроен,
Но в деле признанный мастак.
Какую он прошел науку?
Ума - палата в голове!
Видать, набил умелец руку
В большом завидном мастерстве.
А вот пустышка-неумеха,
Способный много говорить,
Избрав его объектом смеха,
Унизить явно норовит.
Глупец не к месту чушь городит,
Не ценит парня зубоскал...
А для меня он - самородок,
В труде и в жизни - идеал.

Живая вода

Немало лет прошло с тех пор,
Когда от старых изб,
Спускался я под косогор
Заветной тропкой вниз.
Шагал торопко, напрямик,
В палящий летний зной.
Туда, где звонко пел родник
Серебряной струной.
К нему я жадно припадал,
Колени приклоня.
И потому он в жизни стал
Священным для меня.
Прошли "застойные" года...
Снесен был каждый двор...
Но родниковая вода
Струится до сих пор...

Тепло

С рассвета до темна
На солнечных просторах
Орудует весна
Размашисто и споро.
Размыла санный путь,
Расплавил сугробы.
Течет вода, как ртуть,
Стучит каплей дробной.
Бурлит, журчит и льет,
Смывая грязь и глину,
И, напрягаясь, бьет
Тугой волной в плотину.
То звон, то треск, то гул.
В разгаре половодье!
Широк весны разгул -
Все оживило в природе.
Пошло в движенье, в рост,
К лучам, к теплу стремленье.
Губительный мороз
Исчез под птичье пенье.
Доволен хлебороб:
Теплом пахнуло с юга!
И, мудро сморщив лоб,
Глядит на лемех плуга...

* * *

Потянуло спелым хлебом.
Вот и жатва - не плошай!
Под высоким чистым небом
Золотится урожай.
Из-за тына, из-за прясла,
С перегревшейся земли
Вкусно пахнет терпким маслом
Перезревшей конопли.
Август. Тихо. Душно. Жарко...
Пот стирает хлебороб.
Воздух с запахом солянки
У проселочных дорог.

Был поэт

Моему другу - поэту Л.Торгаеву

Смерть, увы, любого повергает.
От нее нигде спасенья нет.
Умер друг мой, Леонид Торгаев,
Гражданин, трудяга и поэт.
Был поэт - и вот его не стало.
Сердце в жгучей горечи щемит.
Отзвенела муза, отблистала.
И полет свой больше не стремится.
Крест украшен яркими венками,-
Божий знак, поставленный навек.
Нес его достойно со стихами
Гражданин, трудяга, человек.
Призывал в стихах не падать духом,
Юмором душевным веселя...
Пусть ему вовеки будет пухом
Русская великая земля!

Выбор

Отец, гордясь, глядит на сына
И в сердце радость бьет ключом:
"Ну, вот и вымахал детина -
И ум, и сила - все при нем...
Не вижу яркого таланта.
Но не слывет и дураком.
В нем нет задатка коммерсанта,
Не будет парень челноком...
Иного нрава сын мой Гена:
Не паразит, подобный тле.
Все родовые наши гены
Издравле тянутся к земле.
Ему крестьянская наука,
Уверен, будет по-плечу.
Сегодня жизнь в деревне - мука,
А я не этого хочу.
Пусть сын идет моей дорогой
С тяжелой ношею креста,
Творя умно, прилежно, много,
Но без командного хлыста.
Плуг сына век не будет ржавым,
Пойдет с натянутым гужом...
Ему бы только не мешали,
В амбар не лезли с грабежом".
А сын его стоит в сторонке,
В плечах - сажень, в семь пядей лоб...
Недаром льнут к нему девчонки -
Хороший будет хлебороб...

Поклон

Тебя мне хочется обнять
С любовью преданного сына,
Родная, ласковая мать,-
Моя великая Россия.
За широту твоих полей,
За синь небес в глазах озерных,
За шум лесов, за плеск морей,
За говор рек степных и горных.
Благодарю за мед и соль,
За хлеб твой на моей ладони,
Россия-матушка, позволь
Припасть к ногам твоим в поклоне!

Простота, идущая от сердца

Свою вторую книгу автор назвал "Запах полыни"... Родина с возрастом обретает все более устойчивый вкус горечи, растворенной в воздухе пространства. Так бывает, когда особо остро и пронзительно осознаешь неотвратимость времени и невозвратность былого. Былое у Александра Пархаева освещено далеким детским солнцем, через призму которого преломлена атмосфера военного времени и судьба русского народа. Об этом всегда пишется взволнованно и с любовью.

Тема малой родины - сквозная в книге. Она, родина, у автора не абстрактная местность на одно лицо со многими другими, а конкретно, детально проявлена:

К пряслу прясло. Стенка к стенке.

Огород. Колодец. Двор.

К лесу жметя деревенька,

Убегая за бугор.

Всего-то с десяток обычных будничных слов - и цельная картина деревушки со своим неповторимым лицом, с легко угадываемой судьбой и размеренной неторопливой жизнью.

За этим двухстопным ямбом, лишенным образной выразительности, растворен дух эпохи, быта и жизни сельской местности воздух которой насыщен мистикой и суеверием, как кислородом. Ритмическая протяженность стихотворных строк Александра Пархаева обычно укладывается в двух-, трехсложные ямбы-хореи. С фотографической точностью он размещает предметы и атрибутику выбранной темы, а между строк растворен дух, свет и авторское чувство. Чаще всего это сострадание и желание блага всем живущим, живому всему. Готовность откликнуться на боль людскую - это уже не факт литературы, а жизненная позиция, ставшая поэтической судьбой.

Искушенному читателю, наверняка, стихи автора этой книги покажутся чересчур приземленными и прямолинейными. Сейчас, как никогда, назрела не-

обходимость говорить правдивым доступным для всех словом. Всеобщий духовный кризис и девальвация человеческих ценностей достигла такого масштаба и уровня, что впору криком кричать, а не метафорическими изысками улаживать публику.

В этом плане Александр Пархаев по своему прав, когда пишет просто и понятно, порой прибегая к прямолинейности в выражении мысли. У него это от убежденности, что природа, предметы быта тем и хороши, что они есть такие, какими видятся, ценность их в изначальной форме и сути. Немаловажно, что за простотой и обиходностью не стоит авторское самолюбование и тщеславное стремление поразить читателя эффектными метафорами и абстрактной псевдоглубиной:

Вблизи дорожной толчеи,
В среде опасной и тревожной,
С упругой стрелкою стоит,
Прижав листочки подорожник.

Для молодого стихотворца, склонного к авангардизму, подобные строки - верх простоты и наивности. Здесь он непременно бы нашел сравнения с копьями и устремленной к звездам ракетой и зашифровал бы соответствующую мысль. Александр Пархаев будучи приверженным к традиционной поэтической школе добивается точной копии, исходя из простой мысли: цветок уже достаточно хорош тем, что он похож на себя. Это в отношении формы. Суть его также естественна и ценна изначальной предназначенностью.

Он не ласкает видом взор,
Блеснуть в зеленом царстве нечем.
Но человека с давних пор,
Как добродушный доктор, лечит.

Кстати, "добродушный доктор" - явная поэтическая находка!

Можно отчасти посетовать на отсутствие оригинальности, но это опять же от убежденности, о которой шла речь выше. Современная литература сверх всякой меры перенасыщена субъективными интерпретациями природы и взаимоотношениями чело-

века с ней. Подчас трудно определить: что на самом деле представляет из себя взгляд человека на обычные вещи, его мировоззрение, свободное от конъюнктурных веяний, не подверженное душевным деформациям. Александр Пархаев как раз и есть этот нормальный со здоровой психикой человек. В этом он по своему уникален в ряду собратьев по литературному цеху.

По этой же причине стихи чересчур кажутся цветистыми и возможно кой-кого и будут раздражать назойливой похожестью и одинаковостью замысла. Но только ленивый и скучающий читатель не обратит внимание на подтекст традиционных с виду образов, где буквально каждая строчка пронизана глубиной переживания. Отраднo, что глубина проявляется не открытым текстом или сентенцией, - автор оставляет читателю самому пережить и прочувствовать ее. Характерны в этом плане стихотворения "Чистая душа", "Похороны старика", "Ожидание":

Но что так сердце ноет шибко?
Не может места мать найти...
А с фотографии с улыбкой
Глядит ребенок лет пяти...

За этими кажущимися будничными и вроде простодушными строчками угадывается точный психологический портрет матери, ожидающей сына. Здесь и глубина переживания, и личная трагедия, переданные обычными изобразительными средствами. На самом деле это надо по-настоящему прочувствовать, что, однако, дается не каждому.

Таков исповедальный пафос всей книги. Она получилась на редкость цельной, в полной мере раскрывающей весь творческий диапазон автора и как поэта, и как художника, и, главное, человека, наделенного отзывчивым добрым сердцем, искренне переживающего за судьбу родной земли, природы и людей с их заботами и раздумьями.

Виктор Коврижных.

Содержание:

<i>Запах полыни</i>	5
Горький хлеб	6
Вокруг - бурьян: осот, крапива.....	8
Из детства	9
Я помню	10
Горечь пахучей полыни	11
Проводы	13
Вдовушка	16
Возвращение	17
Доля	19
<i>Святые слова</i>	21
Мать	22
В тот день	23
В грозу	24
На пепелище	26
Судьба героя	28
Солдатка	29
Письмо	30
Святые слова	31
"Сувенир"	32
<i>Черемух дым</i>	33
Любовь	34
Веснушки	35
Свидание	36
Лето	37

Встреча	39
Лето - зеленое чудо	40
Мадонна	41
Гармонист	42
Вдова	44
Кукушкины цветы	46
В деревеньке	47
<i>Кисть рябины</i>	49
Подранок	50
Дятел	52
Рукодельница - зима	53
Добрый дед	55
Тук-тук	56
Скворушка-Егорушка	57
Воробей	58
Снежная книга	59
Лесная дуэль.....	60
Ель	62
Зарянка	63
Пробуждение	64
Вещунья	66
Кисть рябины	67
Вожак	68
Прощальный дар	69
Закат.....	70
<i>Окаянные дни</i>	71
Благовест	72
Ожидание	73

У ручья	75
Тяжко, Ваня	76
Ну и жизнь	77
Отмаялся	79
"Шмон"	80
Дикость	81
Кому служить	84
В школу	85
"Бартер"	87
Иной, изнуряясь без дела	88
Эх ты, Вася.....	89
Беда	90
Школьные азы	91
Седая прядь	92
Чистая душа	93
Бомж	95
Мариула	97
Молитва	98
Горе	99
Похороны старика	100
Российская мадонна	101
Нищая	102
<i>Земной поклон</i>	103
Святое место	104
Глухаринка	106
Торсьма	107
Возрождение	108
Август	109
Вовка	110
Перекур	111

Умелец	112
Живая вода	113
Тепло	114
Потянуло спелым хлебом	115
Был поэт	116
Выбор	117
Поклон	118
"Простота, идущая от сердца". В.Коврижных	119

Для среднего и старшего школьного возраста

Александр Федорович Пархаев

Запах полыни

Художественно-публицистическое издание

Художественный и технический редактор -

В.П.Щелканов.

Художник А.Ф.Пархаев.

Корректор - Илья Преображенцев.

Набор, верстка и оригинал-макет выполнены -

В.М.Кипреевым.

- © Издатель литературно-художественной серии
"Библиотека "Беловская муза" В.П.Щелканов.
- © Стихи и рисунки А.Ф.Пархаев.

Сдано в набор 02.04.97. Подписано в печать с оригинал-макета 03.05.97.

Формат 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Тираж 250 экз.

«Экспресс-печать» УИП ВОИ

